

№ 556

„О СОВЕТСКОЙ КОПЕЙКЕ“

ГОД ИЗДАНИЯ ПЯТЫЙ.

МОСКВА, АПРЕЛЬ 1926 г.

№ 14 (174)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Цена 12 коп.

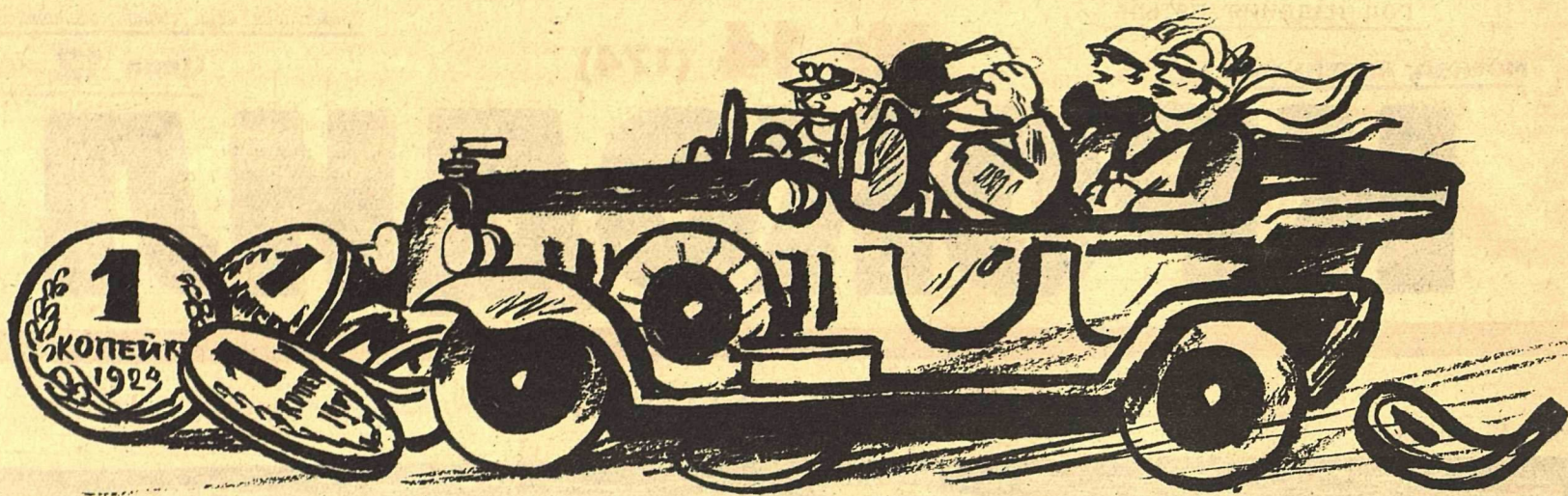
КРОКОДИЛ

СКУПЫЕ РЫЦАРИ.
(ДРУЖЕСКИЙ ШАРЖ).

Рис. К. Ротова.

НАРКОМФИН т. БРЮХАНОВ:—Выходит по этой статье 1123 рубля и 16 копеек...
Тов. КАЛИНИН:—Поставьте пятнадцать копеек... Бережная копейка рубль бережет.

ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ВЛЕТАЮТ В КОПЕЕЧКУ.

НЕКТО КИСЕЛЕВ В МОСКВЕ...

(Не выдумка, а голый факт).

На фабрике «Зарядье» в Иваново-Вознесенске не то суета обычная, не то торжество. По складам, а затем и по фабричным помещениям — шествие: директор, главный механик, помощник механика топают гуськом, задерживаются у некоторых машин, ставят какие-то отметки, изредка спорят:

— Пятьсот не потянет, Сергей Анатольевич? — спрашивает директор у главного механика Баканина.

— Где же пятьсот, Сергей Гаврилович? От силы—триста!

— А я думаю, четыреста пятьдесят будет! — подвывает директору помощник механика Опольнов:—одни станины сколько тянут да маховик какой!

— Пишите не по-нашему, не по-вашему — четыреста, Сергей Анатольевич!

У центробежных насосов — остановка серьезная.

— Прихватим парочку, Сергей Анатольевич?

— Как прикажете, Сергей Гаврилович! По-моему, все три забрать!

— Плиты еще прихватить бы, товарищ Баканин!— снова подвывает Опольнов:—обойдемся как-нибудь, а все-таки вещица-то с весом!

— Возьмем и плиты...

Шествие двигается дальше...

К концу рабочего дня путешествие закончено, все выяснено, все учтено. Сергей Гаврилович прощается со своими ближайшими сотрудниками.

— До свиданья, товарищи! Завтра собрать рабочих к строгальным по дереву и металлу машинам и разъяснить. Впрочем, я сам там буду. А вам, товарищи, объявляю широкое трестовское спасибо за плодотворную работу. Трест, так сказать, эээ... не забудет ваших стараний. Да. До свиданья.

На следующее утро у строгальных машин сумрачно стояли, перебрасываясь неместными для кого-то выражениями, кучки рабочих. Тут же суетился Опольнов:

— Зря это вы, товарищи! Главное дело — предписание треста, которое мы, так сказать...

Он не закончил фразы, икнул от радостного испуга и крикнул:

— Идут, идут!

Вдали медленно, но верно выступали директор фабрики и старший механик.

— Товарищи! — торжественно начал директор.

Опольнов всех окинул строгим и в то же время уговаривающим взглядом, Баканин — суровым.

— Товарищи! В целях повышения производительности труда в связи с так сказать международным рынком и борьбой с накладными расходами, а также исходя из интересов социалистической промышленности в целом...

Директор проглотил слюну. Из рядов рабочих послышалось скорбное «осподи, сусе».

— Словом, во исполнение предписаний треста нам предстоит заготовить три тысячи пудов лома чугуна. Так как наша фабрика скорее текстильная, чем машиностроительная или иная, то... Словом, главным препятствием к стопроцентному выполнению задания является вот эта штука.

И директор указал на врага социалистического строительства. Враг этот, в виде строгальной по дереву машины, безмолствовал.

— Ее необходимо разбить, чтобы превратить в лом чугуна! — директор оглянулся и, не видя должного энтузиазма на лицах рабочих, дико взвизгнул:

— Бей ее, ребята!!!

С этим боевым лозунгом он бросился на машину и ударил ее ногой. Враг не поддался. Опольнов поддержал лозунг директора и, крикнув: «бей вдрызг!», размахнулся и нанес машине полновесный удар рукой. Машина мрачно молчала. Рабочие зашевелились.

— Позвольте, товарищи? Зачем же машину ломать? Разве это дело? Если уж продавать, как лом, так продайте нам в целом виде, — приспособим! Разве можно такое дело...

— Саботаж! — завизжал директор: — на девятом году революции — сопротивление несознательных элементов? Бейте ее в мою голову! Я приказываю!

Рабочие с бранью расходились. Администрация беспомощно ковырялась около чугунного врага производства...

... К следующему дню силами администрации и нанятых безработных пекарей машина была разбита. Ее участи подвергли и необходимые для производства, но еще более необходимые для выполнения трестовского наряда на три тысячи пудов лома три центробежных насоса и несколько плит под варочные котлы.

... Через несколько дней Баканин на производственном совещании указывал, что потребуется купить четыре центробежных насоса и плиты, так как будут ставиться четыре варочных котла. Рабочие крыли администрацию, на что Баканин заявил следующее:

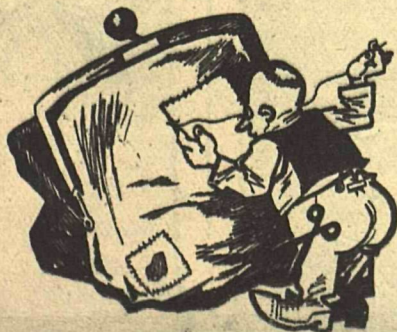
— Ни я, ни директор не виноваты. Некто Киселев в Москве от имени нашего текстильтреста заключил договор с машиностроителем на поставку 300 тысяч пудов чугуна. Мы выполняли распоряжение треста и выполнили лучше всех фабрик, дав чугуна больше всех, — около трех тысяч пудов.

Кто и когда ответит за „некоего Киселева“ и старательную администрацию фабрики „Зарядье“—нам расскажет прокуратура. От себя скажем:

— Раньше, ежели иного Сергея Гавриловича заставить молиться, он проделывал со своим лбом явно разрушительные опыты. Так пусть бы уж лучше и зарядьевская дирекция богу молилась, чем машины расшибать!

Вл. Павлов.

Рис. М. Х.

ЭКОНОМИЯ.

Один хозяйственник, решив быть экономным,
Созвал комиссию с числом людей огромным,
Комиссия потребовала „штата“.
За штатом выросла зарплата,
За нее стал необходим глабух..
Короче говоря, так аппарат разбух,
Что закричал рабочий ошалело:
— Пойдите, это ерунда..
Расход бы ничего... Расход бы не беда,
Да... экономия аеела!..

Из этих строк наш вывод скромный;
И экономия должна быть экономной...

М. Андр.

СЧАСТЬЕ ДУДЫШКИНА.

Евграфу Дудышкину никогда не изменяло счастье. По его словам, ему не было никакого расчета купаться, потому что он, все равно, выходил сухим из воды. Он много раз ел пирожные Моссельпрома, а также и частных фирм, но ни разу в жизни не умер от этого. Его выбрали казначеем завкома, но ему посчастливилось не растратить ни копейки союзных денег. Он не платил алиментов и не попадал под автомобиль.

Тем не менее, Дудышкина, при всем его счастье, наметили к сокращению.

— Тут уж никакое везенье не вывезет...— печально говорил мне Дудышкин.— Во-первых, должность моя совершенно ненужная, лишняя, и являюсь я не столько служащим, сколько недопустимым накладным расходом. А, во-вторых, у нас новый управдел, и на эту должность он хочет принять двух своих прежних сослуживцев. Положение, словом, безвыходное. Ты не мог бы куда-нибудь меня устроить?

Я заматал головой:

— Никакой возможности! В нашем учреждении сокращения штатов не предвидится, значит, все места в нем заняты. Сам знаешь...

Дудышкин вздохнул и пошел в кино.

А через неделю после этого я чуть-чуть не попал под автомобиль, в котором ехал Евграф Дудышкин.

Машина остановилась. Евграф Дудышкин открыл дверцу и сказал:

— Эх, тебя угораздило было!.. Смотреть надо. Садись, подвезу!

— Опять процветаешь?— спросил я, усаживаясь и украдкой вытирая забрызганный грязью рукав о пальто Дудышкина.— Как это ты устроился?

— Счастье!— скромно ответил Дудышкин.— Счастливое совпадение обстоятельств. Представь: только-что меня сократили,— и сейчас же началась кампания за «режим экономии», за снижение накладных расходов и так далее... Ну, я, конечно, сразу воспрянул!

— Тебе-то какая же радость?

— Как то-есть какая? Разумеется, понадобились люди! Через три дня меня приняли снова: на повышенный оклад в постоянную подкомиссию по нормализации штатов управленческого аппарата. Секретарем. С правом пользования автомобилем.

Я сказал:

— Поздравляю! Кстати: нельзя ли пристроить через тебя одну машинистку?... В союзе она не состоит, но...

— Можно. Только сейчас не присылай: сейчас мы сокращаем штаты. А так, недельки через две...

Никита Крышкин.

СМЕТЛИВЫЙ ЗАВХОЗ.

Рисунки Ю. Ганфа.

Есть заданье: надо к лету
Починить гараж и клуб.
Худ завхоз, худа и смета,
Но завхоз совсем не глуп.

Смету взял он с хитрой миной
И (Дзержинский, нас прости!),
Словно чортик из резины,
Смета стала вдруг расти.

Быстро вспухла цеппелином,—
Там, где десять, стало сто.
И завхоз глядит солидным,
И жене купил манто.

Смета лопнула. И точка.
Клуб по-прежнему убог.
А завхоз пузат, как бочка,
А завхоз богат, как бог.

В. К.

РЕКЛАМА—ДВИГАТЕЛЬ ТОРГОВЛИ.

Бабка Анисья продала в городе всю картошку и готовилась уезжать домой. Воз стоял, покрытый дерюгой.

— Бабка Анисья, не прихватишь ли меня, я налегке. — И к возу подошла соседка—тетка Марья с пустыми бидонами из-под молока.

— Садись, так и быть, подвезу. Только ты полегче с бездонами-то, а то мне все передавишь. Тетка Марья села на самом краешке, с опаской поглядела на укутанный дерюгой воз.

— Что везешь-то, бабка Анисья?

— А что везем, то и наше, — сурово ответила бабка и, поглядев под дерюгу, самодовольно улыбнулась.

На ухабе внутри воза что-то звякнуло.

Бабка зверем накинулась на Марью:

— Ты ноги-то подбери, дуреха. Перебьешь мне сапэжищами всю посуду!

— Посу-уду?!

— Ну да, что глаза-то вытаращила?

— Какую посуду?

— А какая есть посуда? Миски, чашки, стаканы.

— Да на кой же ты набрала-то их полон воз?— удивилась Марья.

Бабка повернулась к спутнице, хитро прищурила глаз:

— На кой? Это, милая моя, не всякому дано понимать. Ты еще, может, за посудой-то этой ко мне находишься, да я не больно тебе ее дам.

И бабка торжествующе подхлестнула лошадь.

Минуты две ехали молча. Потом бабка Анисья не выдержала:

— Ты думаешь, небось, я с ума сошла. Рехнулась, мол, бабка Анисья. Ан, бабка Анисья умней вас всех оказалась. Поди уж сюда, нечего рот раскрывать. Я тебе по твоему вдовству-сиротству, так и быть, все расскажу.

И бабка Анисья засвистела таинственным шопотом:

— Ты вот что мне скажи: ты картинку в городе видела: баба нарисована и калошу держит ростом с эту вот телегу? Теперь ты скажи: есть на рынке калоши? Нет! А у тебя есть калоши? Нет! Смекаешь? Нет? Ну, скажи, а ситец нарисованный ты видела? На всех углах налеплен. И горошком и в полосочку разрисован. Видели? А в лавке ситец есть? Нету! Понимаешь теперь, какая тут дела получается.

— Смеются, должно, над нами, деревенскими. Кормят нас вприглядку.

— Вот и я так прежде думала,— обрадовалась бабка.— Только потом я смекнула, что это для нас же, малограмотных, устроено. Но только для тех, кто с понятием! Как какого товару нет, сейчас тебе в нарисованном виде показывают: смотри, мол, бабка Анисья, и запасайся. Я вот калоши по глупости упустила, ситец упустила. Ну, зато посуду прихватила во-время. Иду давеча по рынку, глядь, по всем заборам мужик с бабой налеплены. Сидят за столом. А на столе посуда стоит: как живая. Ну, думаю, теперь я ученая. Сейчас к картинке, и давай смотреть, как бы чего не упустить. Вижу: два чайника стоят. Ну, думаю, чайникам совсем аминь, куплю, думаю, три штуки. Стаканы стоят; рюмку насилу рассмотрела—мужик рукой зазастил, но все-таки не забыла, купила 12 штук. Тут у меня на двадцать рублей куплено: три чайника, два чугуна, стаканов полдюжины, чашек тоже с блюдцами, миски там да рюмки.

Тетка Марья так и всколыхнулась вся:

— Так неужто-ж, милая моя, ничего этого теперь и не будет?

— Да уж беспреречно так!

— Как же быть-то? А? Ах, ты, батюшки! Может, еще осталось там? Захватчу? А?

И вдруг сорвавшись с телеги и громыхая бидонами, тетка Марья побежала обратно в город.

Е. Елина.

БЕРЕЖЛИВЫЙ.

— Я берег казенные деньги, как свои собственные...
— Почему же ты их проиграл?
— Да я и свои собственные тоже проиграл..

ПОДСЛУШАННОЕ.

Подожди, Сенечка, сейчас у нас никого на службу не принимают. Ужасно строго... Вот скоро, найдет, будет создана комиссия по сокращению расходов—тогда я не только тебя, а и Манечку устрою...

Рис. Ив. Малютина.

...курьерша, которая очень часто бывает сокращена в результате длительной кампании по сокращению накладных расходов.

Рис. К. Елисева.

Представитель одной из многочисленных зарубежных делегаций Отто Шмидт решил посетить городок Дуболобов.

Поезд подошел к станции в одиннадцать часов дня. И Отто Шмидт очень удивился, будучи встречен при выходе из вагона громадной толпой с двумя оркестрами и множеством знамен.

К Шмидту быстро подлетели несколько расторопных молодых людей с красными повязками на рукавах. И оркестры не совсем дружно грянули «Интернационал».

Шмидт смущенно пожал плечами и с улыбкой обратился к одному из окружающих.

— Скажите, разве сегодня какой-нибудь революционный праздник?

— Нет. Сегодня, вообще говоря, день будний.

— Значит, здесь какой-нибудь местный праздник? Да? Открытие памятника?

— Н-нет... Собственно, памятника никакого нет, но день как бы праздничный...

Отто Шмидт вновь улыбнулся:

— Я очень рад, что попал сразу на праздник. Но мне хотелось бы знать, в честь чего это празднество?

Тут один из окружающих выскочил в руку, густо покраснел и весь засиял широкой восторженной улыбкой.

— В честь вашего приезда, товарищ Шмидт! Ур-ра!

Разноголосая толпа подхватила «ура», и вновь грянули оркестры.

Отто Шмидт смущенно заморгал глазами:

— Я очень рад... Я очень тронут... Я очень горд... Я... Мне даже неловко как-то!.. Скажите... Я вижу там детей — это ведь школьники? Не правда ли?

— Да! Это наша смена, товарищ Шмидт!

— Они, должно быть, очень рано начинают занятия, если сейчас они уже свободны?

— Сегодня они не занимались.

— Почему?

— В честь приезда товарища Шмидта! Ур-ра-а-а!

Отто Шмидт растерянно развел руками, попробовал улыбнуться и вдруг деловито наморщил брови. И когда музыка слегка приутихла, он осторожно спросил:

— Скажите, а вон там в толпе и в оркестре — ведь это рабочие?

— Рабочие! У нас, товарищ Шмидт, везде рабочие! У нас не как у вас... Да здравствуют Kamerады, да здравствуют...

— Постойте! Одну минуточку! Вот вы говорите, — это рабочие... А почему же... почему же они... гуляют? Почему они не на заводе? Это что — вечерняя смена?

И Шмидт деловито щелкнул крышечкой часов.

— Нет, это утренняя смена.

— И они всегда так рано кончают?

— Нет! Это в честь вашего приезда! Да здравствует наш дорогой гость, товарищ Шмидт! Долой капиталистов и соглашателей! Ур-ра-а-а!

Шмидт открыл рот, чтобы сказать еще что-то, но оркестр пронзительно рявкнул над самым ухом и двое расторопных людей с повязками быстро повлекли Отто Шмидта в вокзальный буфет, где был накрыт стол для легкого завтрака на тридцать персон.

Выйдя после завтрака из буфета, Шмидт был необычайно поражен: завтрак длился не менее часу, за это время пришло и ушло пять или шесть поездов, — а толпа на перроне не только не исчезла, но еще и выросла.

И не успел он показаться, как вновь раздалось «ура!» и заиграли оркестры.

Один из людей с красной повязкой вскочил на стул. Толпа притихла и начался митинг. Все говорили необычайно долго и много. И оттого ли, что Шмидт плохо понимал по-русски или еще по какой причине, — но ему казалось, что каждая новая речь удивительно похожа на все предыдущие.

Самого Шмидта заставляли говорить раз шесть.

Митинг затянулся часа на три. Музыканты устали играть. Дети едва стояли на ногах от усталости.

Наконец народ стал расходиться...

Усевшись в автомобиль, Отто Шмидт деловито вынул из кармана записную книжку и обратился к своему провожатому:

— Скажите, товарищ, а во сколько обходится все это вашему государству?

Провожатый изумленно вытаращил глаза:

— То-есть как... обходится? Что обходится?

— Ну вот то, что я видел. Вот сегодняшний митинг... и все прочее. Сколько это стоит?

Провожатый мучительно сморщил брови, потом вдруг расхохотался и поглядел на Шмидта с видом глубочайшего сожаления. Когда

РАБОЧИЙ:—И верно, что берегут копейку: вон в верхнем этаже два окна не освещены! А рублики—плачут!—электрическими слезами.

он заговорил, в голосе его слышались легкое презрение, покровительственное превосходство и гордость:

— Уважаемый товарищ Шмидт! Вы, сами того не зная, глубоко оскорбили всех нас. Вас может извинить только то, что вы выросли и воспитались в стране продажных лакеев и соглашателей. Знайте, что в советской стране правительству не приходится платить гражданам за то, что они участвуют в манифестациях. У нас нет продажных людей! Да-с!

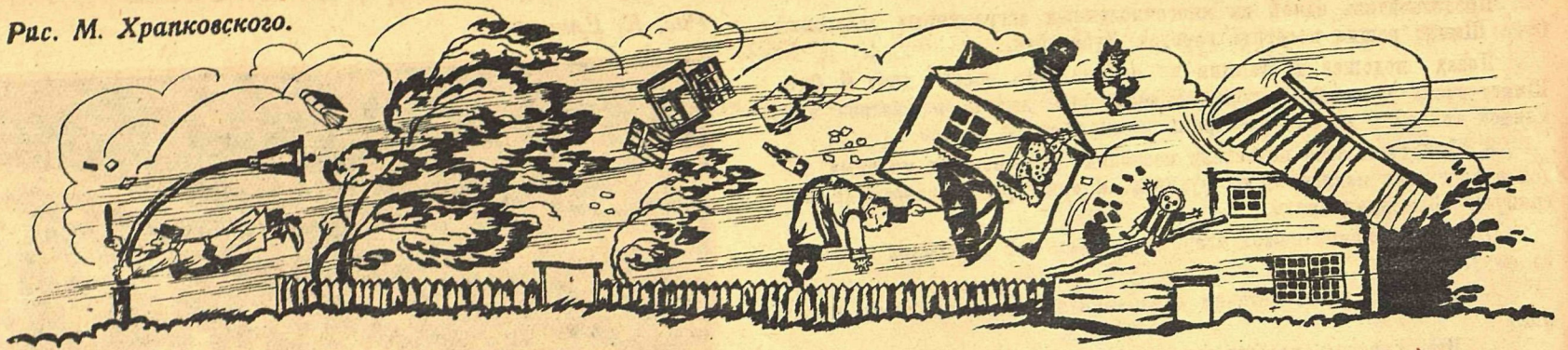
— Так, значит, те рабочие, которых я видел...

— Они неподкупны, товарищ Шмидт!

— Так, значит, им никто не заплатит за сегодняшний прогульный день? Ну, а простой машины — кто же его покрывает?

Провожатый закашлялся вдруг так сильно, что товарищ Отто Шмидт молча убрал в карман записную книжку.

Вас. Лебедев-Кумач.

Тот самый ветер, на который нередко бросаются профсоюзные и общественные денежки.

СЕМЕЙНАЯ ДРАМА.

У нас беспокойно дома.
Брат—казначей месткома—
Влюбился совсем некстати
В какую-то Катю.
И так уж заведено:
Сначала кино,
Потом казино.
И вышла у брата
Растрата.

Мама в Госторге служит,
Мама о брате тужит,
Хочется маме брата спасти.
И по его же пути
Мама решила пойти:
Своей растратой покрыла брату
Его растрату...
Но в доме попрежнему драма:
Теперь—растратчица мама.

Отец—
Спед,
Красный купец.
Маму жалует до боли
И горько решает:—Один конец—
Растрачу и я, что ли!
И вот спасены и мама и брат,
Но бедный наш папа жизни не рад,
И радости нет у семьи:
Ведь может прийти Эр-Ка-И.
И...
Забрать в свою лапу
Папу!

Я всегда был примерным сыном.
Я кассиром служу. И вот
Наступил, наконец, мой черед
Клин растратный вышибить клином.
Мне теперь не поможет родня:
Я кассир. Пожалейте меня!
Попрошаюсь со всеми, заплачу
И растрачу.
Подслушал Вас. Лебедев-Кумач.

В КОРЕНЬ И ПОД.

И экономия должна быть экономной.

Нынче остроумцы из бережливости держат
остро не язык, а ухо.

Профсоюзные денежки и в нескороаемом
шкафу сгорают.

Неэкономно экономить на угощении ре-
визоров.

Не горюй, когда начальник, резвясь, вы-
брасывает деньги на ветер—их подберут.

Отчет в папке с золотым тиснением—позо-
лоченная горькая пилюля.

Чем легче достаются деньги, тем труднее
их экономить.

Бесхозяйственность и растраты оживляют
советские учреждения, вызывая движение по
службе.

У нас не так много беспризорных детей,
как беспризорных денег.

Сам.

МЕЛОЧИ.

БОЛЬШОЕ СХОДСТВО.

— Какое сходство у рабфаковца со своим
собственным сапогом?
— Оба вечно просят каши...

Ека.

В ОЧЕРЕДИ ЗА ВИНОМ.

— Ты, чай, замаялся, касатик, стоявши-то?
— Ничего, тетка! Еще належусь...

Бега.

ПЛАНИДА.

— Сколько у нас в кассе денег?
— 1750 рублей и 5 копеек.
— Жаль, что так мало копеек. Копейка—она
рубль бережет! Пять копеек сберут только
5 рублей, а остальные 1745 рублей, выходит,
деньги пропащие...

Ека.

ТОЖЕ ЭКОНОМИЯ.

— Милая! Нельзя платить такие деньги за платье.
— А ты смотри, какая экономия матери: выше
колен и совсем узенькое!

Сам.

ПРАЗДНЫЕ МЫСЛИ ГРАЖДАНИНА САВЕЛИЯ ОКТЯБРЕВА.

(Во время узаконенного 42-часового отдыха).

От любви до растраты—один шаг.

Судьба общественных денег поистине достойна сожаления. Одни не заботятся о них и не берегут их потому, что не считают их своими, другие же не берегут их именно потому, что считают их своими. Где выход?

Ревизор беспощаден к растратчику. Но не будь растратчиков, что бы стал делать ревизор?

Хорошо живет только тот, кто живет не по средствам. Живущий по средствам живет посредственно.

За артельщика дает поручительство артель. А кто даст поручительство за директора или зава?

Человек, преждевременно растративший свое здоровье и омолодившийся, подобен растратчику, получившему амнистию.

Ветхое рубище не скрасишь новым шелковым галстуком. А между тем на убыточных предприятиях всегда много флагов, стягов, бюстов и даже памятников.

О, если бы можно было с пользой для государства использовать энергию граждан, стоящих в спиртных, мануфактурных и прочих очередях!

Сознание, что ты сэкономил копейку, еще не дает тебе права бросить на ветер рубль.

Жена и дети есть у многих, однако они не считают это поводом для казнокрадства.

Человек, не истративший ни копейки, может все же быть бесхозяйственным именно потому, что он не истратил денег во-время и с пользой.

Часто заработанные деньги получить гораздо труднее, чем незаработанные.

Беспартийный Савелий Октябрев.

**БЕРЕГИ
КОПЕЙКУ
И
ПОДПИШИСЬ НА
„КРОКОДИЛ“.**

ЭКОНОМНЫЙ ЗАВ.

— Я бы взял эту вазу для бумаг, но у нас теперь экономия и больше ста рублей я не могу вам дать.

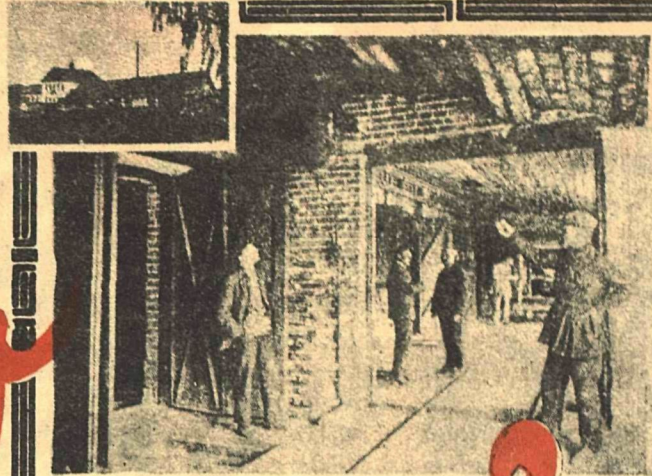
Деревообрабатывающая промышленность

Топливный аппарат

служит для снабжения твердым минтопливом и дровами предприятий города и района, расположенных в черте города и в окрестностях, в течение 9 месяцев. На местном балансе, предприятий города и района, расположенных в черте города и в окрестностях, в течение 9 месяцев. На местном балансе, предприятий города и района, расположенных в черте города и в окрестностях, в течение 9 месяцев.

Производство по программе на 9 месяцев. На местном балансе, предприятий города и района, расположенных в черте города и в окрестностях, в течение 9 месяцев. На местном балансе, предприятий города и района, расположенных в черте города и в окрестностях, в течение 9 месяцев.

Завод по восстановлению. Рабочих 28 ч., служащих 6 ч. Фабрика состоит из 2 цехов, столярно-сборочного и механической обработки дерева. До апреля 1925 г. фабрика находилась в консервации. В настоящее время фабрика разворачивается и, являясь безубыточной, в процессе работ ремонтируется и приводится в надлежащее состояние. Средний заработок рабочего выражается в 42 р. в месяц. Сырьем фабрика обеспечена на 3 месяца.

ЗАВОД ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ

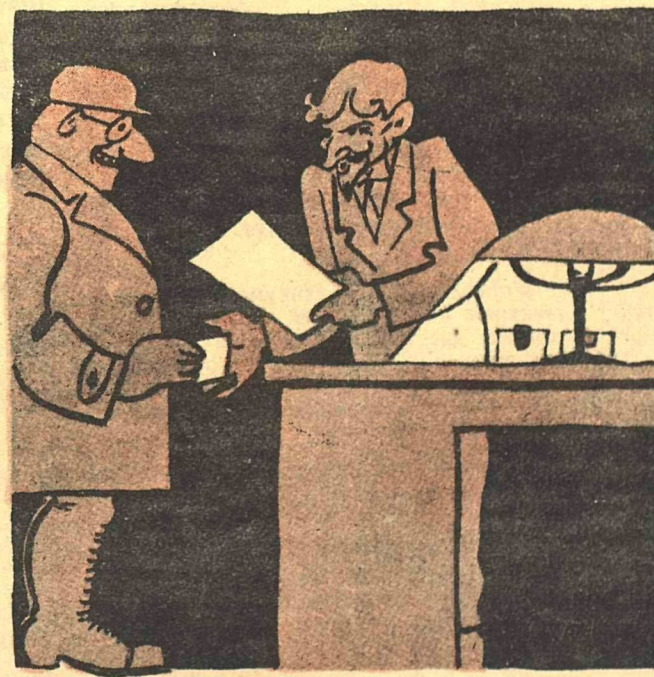

Предо. Правления
Ефим Ив. Иванов

Интересно?

В течение 9 месяцев... 6.000 д. по цене... 1.691 р. 42 к... 56 к... 128 882 п... 782... 10.320 пуд... 4 циркульных к... 24/25 г. предусматривала выпуск... 64.800 кб... 58.242 пуд... 64.246 к... 897 р... 19 р. 2... 71.916 э... 792 р... 42 р. в м-ц... 3 м-ца.

А вотт кошу:

Прежде всего это интересно самому предправления и его жене.

Большой интерес от этого получают агент по сбору объявлений и управдел, которые делятся прибылями по-братски.

И, наконец, это не может не интересоваться еще одно учреждение.

— А еще говорят, что у нас мануфактуры не хватает!

ВИЛЫ В БОК.

ПСУ ПОД ХВОСТ.

Разные применения бывают у кооперативных денег. Например, орготдел армавирского ЦРК с ними распорядился таким образом:

Для членов пайщиков было изготовлено вместо марок двенадцать тысяч заборных книжек по сто двадцати листов каждая. Стоило это удовольствие тысячу восемьсот рублей. Но книжки на практике оказались неудобными и их «аннулировали».

Понятно? По-нашему, вполне вразумительно! Маленький фокус-покус: были у армавирского ЦРК тысяча восемьсот рублей и нет их. В два счета!

ПЕРВЫЕ ЛАСТОЧКИ. . .

Наконец-то последовало открытие сезона... растрат!

В кооперативе «Электропередачи» «Серп и Молот» за 1926 год уже имеются две растраты. Одна в буфете клуба — на сумму 264 рубля, вторая — в палатке № 2 на сумму 189 р.

Почин дорожке денег, как говорится!

СНЫ БЕЗЗАБОТНЫЕ.

Сообщают нам из деревни Быковка, Юринского кантона:

«Будь любезен, «Крокодил», и разбуди вилами нашу яичку РЛКСМ, — потому она не ведет никакой работы среди крестьянского населения, а также и в своей собственной яичке».

Чего ее будить? Пусть выспится. Покойной ночи, дорогая яичка. И желаем тебе не во сне увидеть кого-нибудь из Ужмола, а на яву.

НАКАЗАНИЕ И ПРЕСТУПЛЕНИЕ.

Из постановления агента ОГПУ станции Мариуполь Еватерининской ж. д.:

«Рассмотрев материал дознания и, приняв во внимание, что произведенным дознанием гражданин Щербин, Георгий Ларионович, с целью проезда сел на следовавший со станции Сартанов. поезд, поравнялся с семафором и в это время попал под колесо вагона, коему отрезало на правой ноге все пальцы... Материал дознания направить в нарсуд 1 участка на рассмотрение. Какое преступление предусмотрено пункт. 11 154 ст. У. К. У. СССР».

Теперь будет знать, как попадать под поезд!

ХЛЕБНОЕ ДЕЛО!

Плаксивые денежки завелись в Брасовском с.-х. техникуме. Плачут и плачут. Им бы радоваться, а они...

Управляющий техникумом Логгинов закупил рожь по 1 р. 40 копеек пуд. Спустя две недели ему была предложена рожь по 1 р. 25 коп., но Логгинов отказался покупать по этой цене и, спустя некоторое время, опять закупил уже по 2 р. 10 коп.

Правда, есть и утешение: плакали только денежки, а кто-то смеялся и довольно весело!

«БЕЗМОТОРНЫЕ» ПОДПИСЧИКИ.

Жалуется нам один товарищ на редакцию журнала «Мотор» (НКИС):

«Выписал журнал «Мотор», внес деньги, квитанция № 1226, а потом еще послал рубль пятьдесят коп. и вот уж в течение трех месяцев как нет и нет «Мотора».

Ничего удивительного — дороги у нас неважные, а может, еще бензином не запаслись. Вот и застрял где-нибудь этот «мотор». Ничего удивительного.

ОХОТА НА ПОДПИСЧИКОВ.

«Постоянный читатель» прислал нам плакат о подписке на журнал «Спорт и Охота» и в сопроводительном письме жалуется:

«Всеуведущий «Крокодил», посмотри на это объявление о подписке и постарайся отгадать, где именно издается журнал «Спорт и Охота», так как в объявлении обозначено только: «Плехановский проспект № 149», а город не указан.

Задумал человек подписаться на «Спорт и Охоту» и ищет теперь по всему СССР город, куда надо послать деньги. Выходит: на охоту ехать, собак кормить! В связи с этим случаем рекомендуем лучший охотничий журнал «Крокодил» (гонит, ловит и бьет всякую дичь), этот журнал даже издается специально в Охотном ряду, 7, Москва.

ПО СТАРИНКЕ.

Ученики Маргбюро, Чистяковского рудоуправления Донугля жалуются на своего зава:

«Наш зав тов. Трухманов вместо того, чтобы нас делу учить, посылает на базар за папиросами, к сапожнику за его сапогами, на почту за получением писем и т. д. и т. д.»

К сведению дорогого учителя Трухманова — такие методы преподавания Наркомпросом ликвидированы еще совместно с буквой «ять» и «твердым знаком». Ликвидация Трухманова, впрочем, тоже не за горами.

ЗАБЛУДИЛИСЬ.

Еще в «Недоросли» сказано, что и без географии можно обойтись, потому — «извозчики зачем?» Вероятно, поэтому в газете «Плуг и Молот», в № 16 (Беднодемьяновск) напечатано:

На мировом рынке появились новые значительные конкуренты. Это — Австралия (государство Южной Америки).

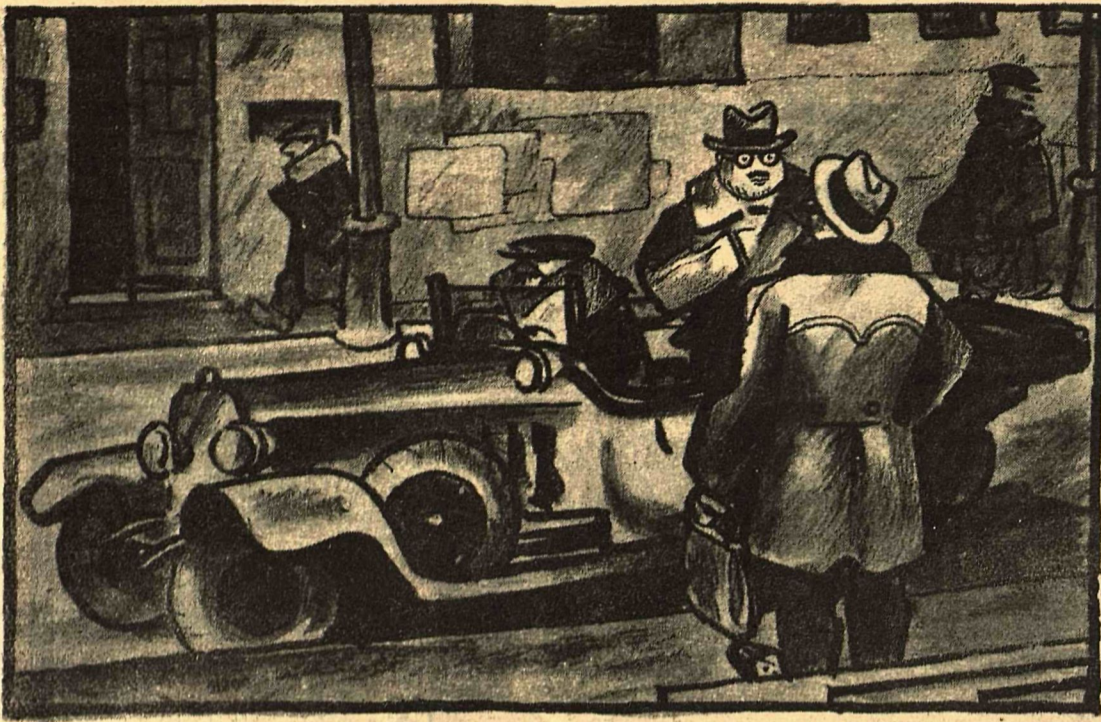
К сведению уважаемой редакции — Австралия вовсе не в Южной Америке, а в Костромской губернии, не далеко от уездного городишка Нью-Йорк, той же губернии.

КАВАЛЕРИЙСКАЯ АТАКА.

Батальная картина
Ю. Ганфа.

БИТВА РКМ С БЮРОКРАТЧИКАМИ И РАСТРАТЧИКАМИ.

— Вы знаете, с тех пор, как я завел машину, я являюсь на работу уже не в два часа, а в половине второго.

РАБОТА ПО НОТУ.

Решил «Крокодил» поглядеть, как берегут копейку в СССР. Приехал в Уральскую контору Росгосстраха, а там паника: не знают, сколько прогонных денег в сутки нужно уплачивать раз'едному агенту. Обратились, как полагается, в контрольно-бухгалтер. п/о Губфинотдела за справкой, но там гордо заявили:

... согласно такого-то циркуляра, выдача каких-либо справок под отчетным организациям воспрещена, так как это является предварительной ревизией учреждения.

Словом, Губфо находит, что раньше нужно произвести неправильные расходы, потом совершить солидную растрату, а затем уже мудрый контроль явится на место и «обнаружит» непорядки, но в этом случае вместо предварительной ревизии кассы получилась бы последующая ревизия пустого места.

ХОЖДЕНИЕ ПО КООПЕРАТИВАМ.

Проездом попал «Крокодил» в деревню. Здесь оказывается тоже «берегут» денежки, на сей раз кооперативные:

Председатель Ковернинского об-ва потребителей, Семеновского уезда, Нижегородской губ., Федорищенко, отпускает своим приятелям товар по себестоимости, а накладные расходы списывает «за счет снижения» (порчи или брака). Но этого мало. Федорищенко отпустил секретарю волкома Мосолову ведро пива со скидкой явно незаконной и еще приказал вдобавок казначею принять записку Мосолова, как деньги. Уже прошел год, а все еще записка в кассе лежит вместо денег.

В первый раз слышим, чтобы записки секретаря волкома имели хождение наравне с деньгами. Во всяком случае Федорищенко, по нашему глубокому убеждению, дальнейшего хождения в кооперации иметь не должен.

$$2 \times 4 = 12!$$

А вот в Кочкарском ряке, Троицкого округа, Уральской обл, совсем разучились на копейки считать.

Статистик тамошний сверхурочно делал справку для совхоза «Демарино». Председатель рья так расценил его работу: проработал он сверхурочно 20 часов. Исходя из ставки в тридцать рублей в месяц, он должен по «расчету» получить 1 рубль в час, т. е. 20 рублей. А работы-то там всего на пять часов было.

Глядит советская копейка на этакий расчетец и вздыхает: час от часу мне не легче!

БЕЗ ДОЩЕЧЕК.

Попал «Крокодил» на спичечную фабрику «Красный Октябрь», Новгородской губ. Здесь поиному советскую копейку берегут:

...Кладут в коробку 30—40 спичек, а внизу в коробку подкладывают толстую деревянную дощечку; коробка полная, а спичек нет.

«Крокодил» вспыхнул от гнева, как спичка этой самой фабрики, но принимая во внимание, что обманутые потребители одновременно хвалят качество спичек, решил ограничиться строгим выговором администрации. И чтоб больше никаких дощечек, уважаемые товарищи!

ПАЛЬЦЕМ К НОСУ ЧЕРЕЗ УХО.

Отдел подписки книготоргового т-ва «Призыв» в г. Архангельске умудрился выписывать для архангельских подписчиков журнал «Северное Хозяйство», выходящий в Архангельске же... через Москву и притом еще через контору «Двигатель».

Подписчики—народ бывалый, ко всему привыкший и терпеливый. С подписчиками церемониться нечего. Сидят вот издательства и мучительно думают, какой бы еще с подписчиком фортель выдумать да помудреней!

ВИЗА ДЛЯ РОДОВ.

Завком зав. № 8. В Архгуботдел профсоюза 2 марта 1926 г. деревообделочников.

№ 112.

При сем направляется в ваше распоряжение библиотекарь Петухова, вышедшая на работу по беременности, на основании постановления фракции завкома и заседания членов заводского комитета.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (подпись).
СЕКРЕТАРЬ (подпись).

Караул, товарищи! Что это у вас такое? Неужели для родов тоже уже виза профсоюза требуется?

ПРЯМО КАРТИНКА.

Семипалатинский Губфабком союза печатников выписал в издательстве «Экономическая Жизнь» 30 июня 1925 года альбом «Пролетарская революция в образах и картинах» и послал 20 р. денег. В конце четвертого месяца послали запрос, почему издательство не высылает альбома. Получили ответ, что альбом задержался по независящим от издательства обстоятельствам и будет выслан в декабре. Уже март, а альбома мы не видим.

Интересно знать, деньги подписчиков целы или тоже истрочены по «независящим от издательства обстоятельствам»?

ПО-СЕМЕЙНОМУ.

Джек Лондон описывает потрясающие способы добывания денег: тут тебе и Юкон, и белое безмолвие, и мороз в тысячу градусов, и все прочее. А вот в Астрахани на заводе «III Интернационал» способ добывания денег гораздо проще:

Завтехбюро гр. Кукуничков выписал своей жене 55 рублей за переписку дефектной ведомости, тогда как эта ведомость в порядке служебных обязанностей была переписана им самим.

Тов. Карандаш, сообщивший нам этот факт, спрашивает, как это называется—растрата или еще как?

Ничего подобного, тов. Карандаш, никакой тут растраты нет. Просто—слезы: заводские денежки плачут!

РЕВИЗИОННАЯ ВЗАИМОПОМОЩЬ.

В Ставрополе, Самарской губернии, при МК пицевиков и совторгслужащих существовала объединенная касса взаимопомощи, в результате работы которой выявилась растрата. Общее собрание постановило дело передать в суд, а кассу принять от некоего Сиротина, тихо и без шума уехавшего в Самару. Вызвали ревизионную комиссию и получили вот:

1926 года марта 1 дня мы, нижеподписавшиеся члены ревизионной комиссии при ставропольской кассе взаимопомощи, Просвирнин, Сергеев и Назаров, узнав из приглашения Ставропольского МК от 1 марта 1926 г. за № 30 о нашем избрании членами ревкомиссии, какое избрание произошло 30 марта 1926 г...

Дальше неинтересно, конечно. Но ежели люди только через одиннадцать месяцев узнают о том, что они-то и есть члены ревизионной комиссии, то... не только денежки плачут, а и ревизом...

ЯМЩИК, НЕ ГОНИ ЛОШАДЕЙ.

Пишут из Брянского ЦРК:

«Каждый праздничный день жены служащих катаются на казенных лошадях, при чем на козлах у них неизменно вместо кучера—зав. торговделом Козаков. А в магазине фунт свинины стоит 37 коп. в то время, как на базаре 33 коп. Товарищ «Крокодил», объясни, почему так?»

Очень просто.—Накладные расходы. Овес для лошадей, опять-таки лишний кучер. Вот, гляди, эти четыре копейки и набегут...

ДВОЙНИК.

Пишут из города Запорожья:

«У нас на заводе «Коммунар» есть профуполномоченный цеха служащих тов. Словоохотов, который теперь назначен инструктором цех-контроль. Получилось неловкое положение—Словоохотов, как инструктор, переводит, увольняет, понижает и повышает разряды цехслужащим и он же, Словоохотов, как уполномоченный, защищает этих служащих от инструктора Словоохотова».

Погодите, попадет инструктору Словоохотову от профуполномоченного Словоохотова. Только держись!

В ТЕМНУЮ.

Жалуются на заведующего вагон-лавки № 3 ПТО, станция Антрацитово:

«Когда приходишь в лавку, то для обыкновенных покупателей очень часто некоторых товаров не имеется, а для хороших этот товар находится в жилом помещении заведующего, куда он приглашает зайти покупательницу вечером, где и изливает ей свои чувства и просит осветить его темную жизнь».

Жаль нам зав. лавки. Много керосину придется ему израсходовать, «чтобы осветить его темную жизнь»... Вот так люди и попадают в растратчики.

ЖЕРТВА РЕКЛАМЫ.

Паника началась с утра. Первыми всполошились хозяйки, когда пошли на базар и вдруг увидели на всех углах огромные синие афиши, на которых золотыми буквами было:

Лучший ситец в Европе—

Это в Горабкоопе—

Не реклама, а факт—

Там же и всякая мануфакт.

Скорей бегите, чтоб не опоздать,

На улицу Энгельса, 35.

Забыв про хлеб, молоко и мясо, кинулись хозяйки к Горабкоопу, а за ними решившие на этот раз опоздать на службу служащие и прямо на телегах приехавшие из деревень крестьяне.

Вскоре хвост очереди извивался у кладбища...

Жена зав Горабкоопа, запыхавшись, как паровоз, от волнения, гремела:

— Дрыхнет. Чорт полосатый. Не мог предупредить... Всю мануфактуру порасташут. Вечно с тобой история. Нет того, чтобы позаботиться о своей семье.

— Какую мануфактуру? В чем дело?—недоумевал ее муж, поспешно зашнуровывая ботинки.—Ничего не понимаю.

Зав подошел к окну, глянул и побелел:

— А это разве к нам в лавку?

— А то куда ж? Всю мануфактуру поразберут. Всю, всю до ниточки.

— Брось пищать. Мануфактуры шесть месяцев как нет у нас и не предвидится. Нет, нет, нет и не будет. Понятно...

Зав Горабкоопа не умывшись побежал в лавку. На первом же углу он прочел афиши и заштался. Губы его бессмысленно шептали: «Не реклама, а факт, там есть всякая мануфакт.»

Горабкооп был на замке. Тысячная очередь шумела и волновалась.

Когда он вошел в магазин, мрачные приказчики встретили его хором: «Что будем делать, товарищ заведующий?»

— Немедленно вывешивайте объявление,—«в виду переучета товаров магазин будет закрыт в течение трех дней».

Через два часа очередь растаяла.

— А теперь,—сказал заведующий, потирая руки:—по чьей инициативе были взбаламучены все жители города? Кто устроил эту экономическую контр-революцию? Кто? Кто, спрашиваю?

— Да вы же сами,—проронил счетовод.

— Чепуху вы говорите, товарищ счетовод. Чепуху. Ответите за эти слова. Где? Где? Покажите!

И счетовод показал расходную страничку за август месяц, где было сказано:—1.650 рублей рекламному отделу (договор № 53).

— А вот вам и договор,—вздыхнув облегченно, сказал счетовод.

И зав Горабкоопом перечитывал в сотый раз знакомый и уже слегка порывший лист бумаги.

«Афиши должны быть расклеены на видных местах города... расклейки должны повторяться в течение семи недель... текст и формат по усмотрению рекламного отдела»...

— Еще шесть раз,—простоная заведующий и взял телефонную трубку:

— Рекламный отдел? Алло! Рекламный отдел? Позовите заведующего. Товарищ заведующий? Вот что. Нашему Горабкоопу удобнее и желательнее, чтобы больше рекламы не расклеивались. Да, да. Почему не можете? Ведь деньги вам уплачены. Ну, мало ли что по книгам проведено. Вам же от этого выгоднее—меньше расходов, опять-таки бумага, труд...

До хрипоты говорил заведующий с рекламным отделом. Умолял, наставлял, грозил. И, наконец, совершенно изнемогши, плюнул в телефонную трубку...

А через неделю опять появились огромные синие афиши. И так они появлялись еще шесть недель. Жителей это уже не беспокоило—во-первых, привыкли, во-вторых, знали, что это—реклама. И только один заведующий Горабкоопа темными ночами бродил по улицам и незаметно для ночных сторожей срывал ненавистные ему золотые буквы:

«Скорее спешите, чтобы не опоздать, на улицу Энгельса, 35».

Б. Левин.

У ПАМЯТНИКА ПЕРВОПЕЧАТНИКУ.

Рис. М. Храпковского.

НАБОРЩИК:— Сколько лет хожу я мимо этого первопечатника—и все он не работает. Вот это—простой!

ЖИЗНЬ ГОЛЛАНДСКАЯ.

(Заметки пастора Ван-Гутена).

Последнее голландское увлечение—экономика. Публикую в поучение потомству несколько примечательных бесед и наблюдений.

Житель небольшого провинциального городка Помпадурхена рассказал мне об изумляющей экономности ихнего бургомистра:

— Наш бургомистр во всем наводит экономию. Во избежание потери времени из-за разногласий и лишних споров, в работе он все ответственные должности в городе поручил исполнять своим родным и друзьям. Усиленно экономия время, он всю работу по составлению планов и резолюций проделывает у себя на квартире за чашкой голландского какао, в тесном кругу ответственной семьи. Экономия здоровья вверенных граждан, бургомистр не позволяет в местных «Епархиальных Известиях» печатать волнующие и обличающие заметки. Всякий беспорядочный и мыслящий элемент по той же причине отсылается на фермерскую работу с лозунгом «Лицом к голландской ферме»...

— Ну, а если такая экономность бургомистра,—спросил я,—не понравится начальству?

— Если начальству не понравится, то, конечно, нашего бургомистра по головке не погладят: его переведут бургомистром в другой какой-нибудь город.

★

Среди общего увлечения экономией особняком стоят деятели нашего голландского суда. Один из прокуроров возмущался:

— Что же это будет такое? Мы и сейчас завалены работой по бесчисленным растратам, и это тогда, когда в наших голландских государственных и общественных учреждениях не найдешь гульдена днем с фонарем. А когда там начнут экономить средства, то последние станут расти! Простой арифметический подсчет говорит, что если мы сейчас на один учрежденский гульден имеем двух растратчиков, то на сорок гульденов их будет восемьдесят.

Принимая во внимание, что голландские прокуроры всегда правы, вывод намечается неутешительный.

★

Серьезным противником экономии оказался также друг моего детства викарий Сраамдамский.

— Друг мой! Экономия—ограничение. Как это можно ограничивать, например, наших голландских начальников,—ведь тогда начальники будут выглядеть совсем ограниченными.

★

Зато большим сторонником экономии выказал себя заведующий отделением Голландстроля.

— Голландия наша,—сказал он мне,—страна маленькая, и вся наша энергия должна быть устремлена на экономию пространства. В нашем голландском строительстве мы добились рекордной экономии места, занимаемого строительным материалом. Чтобы не ходить далеко, я вам покажу сейчас же пример. У моего предшественника осталось от постройки ратуши 1.000 кубов камня, загромождавших площадь города. Я эту груду камней моментально превратил в сравнительно небольшой камень, свободно умещающийся на моем мизинце...

И заведующий сверкнул перстнем весьма чистой работы.

★

Об экономии думают теперь даже жены государственных мужей Голландии.

— Куда вы едете с мужем в отпуск?—спросил я жену одного ответственного сыровара.—Вероятно, опять на юг Голландии?

— Что вы! Что вы!—замахала она на меня руками.—Какие теперь юги! Теперь должна быть во всем экономия. Ради нее мой муж в этом году отказался от отпуска, и мы поедем в простую заграничную командировку. Муж командировается на лето в Париж и Рим для изучения вопроса о преимуществе голландского сыра над шведским в качестве закуски к пиву.

★

Чтобы покончить с темой об экономии, расскажу еще одно наблюдение, которое свидетельствует, что увлечение экономией проникло и в нашу богослужебную среду.

Посетив воскресную службу в Панихидде, я был немало удивлен ее краткостью.

— Скажите,—спросил я после обедни за обедом пастора,—почему вы так сильно сократили службу?

— Неэкономно служить обедню полностью,—отвечал он.—Господь бог наш за последнее время отвратился от нас,—так зачем же читать много молитв, когда наши молитвы к господу богу стали не доходны?

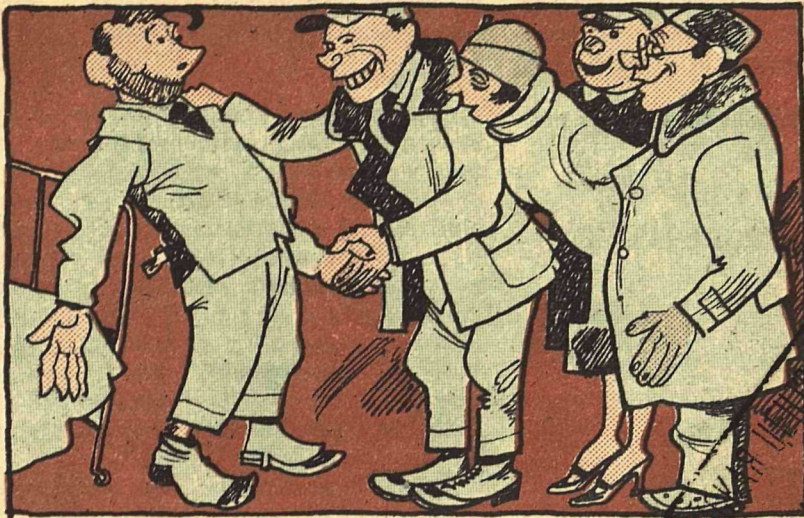
Сравнительная скудость обеда вполне подтверждала слова моего коллеги.

Перевел с голландского

Егор Каменьщиков.

ЧТО РАССКАЗЫВАЛ РАСТРАТЧИК НА ДОПРОСЕ В МИЛИЦИИ И ЧТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ.

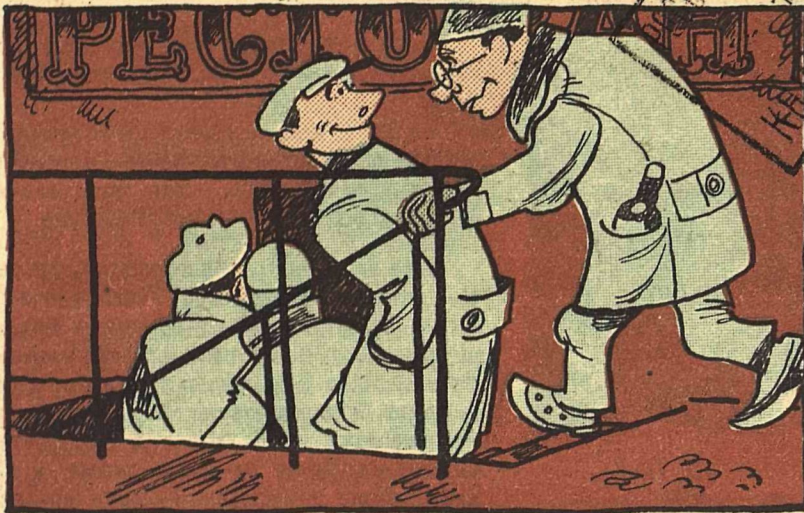
Рис. К. Ротова.

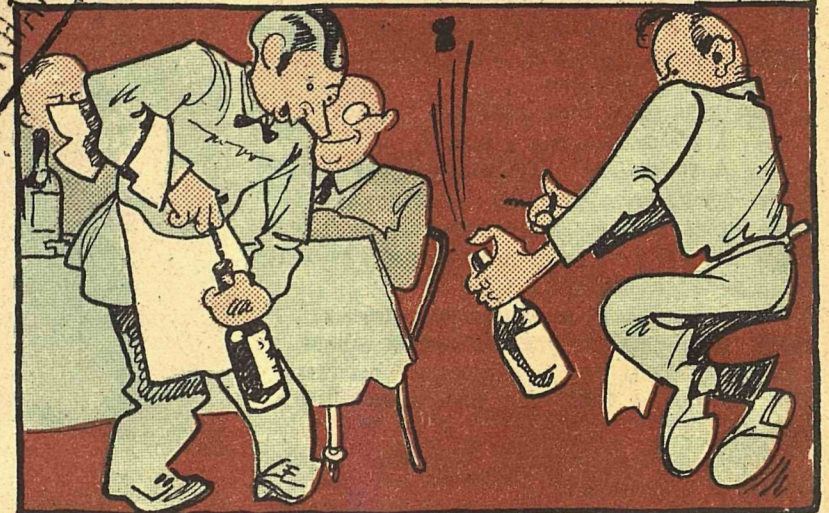
Меня встретили какие-то темные личности...

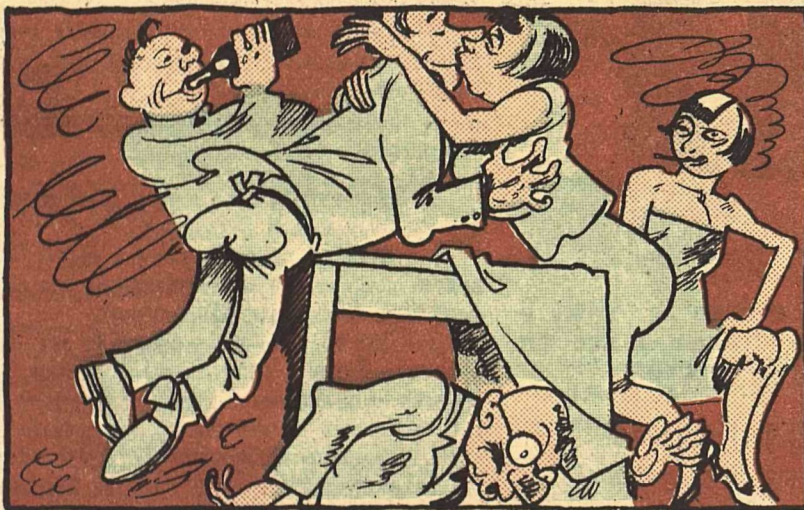
Пристали ко мне с ножом к горлу...

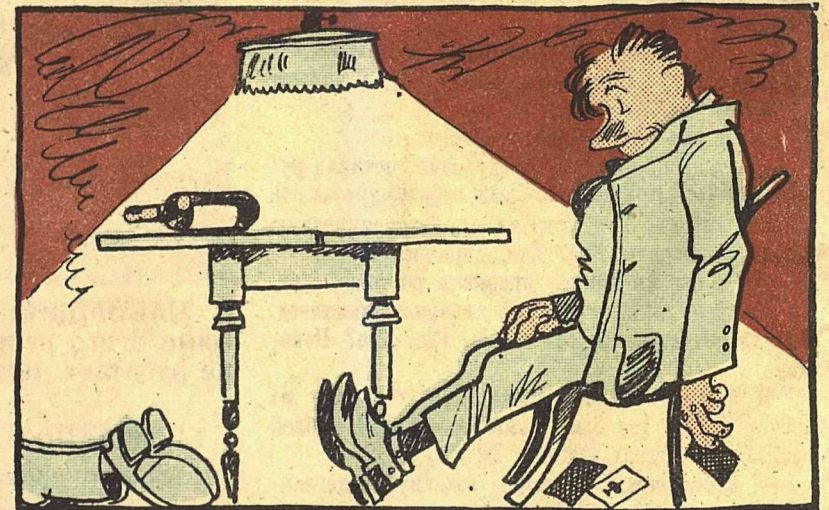
Затащили в какой-то подвал...

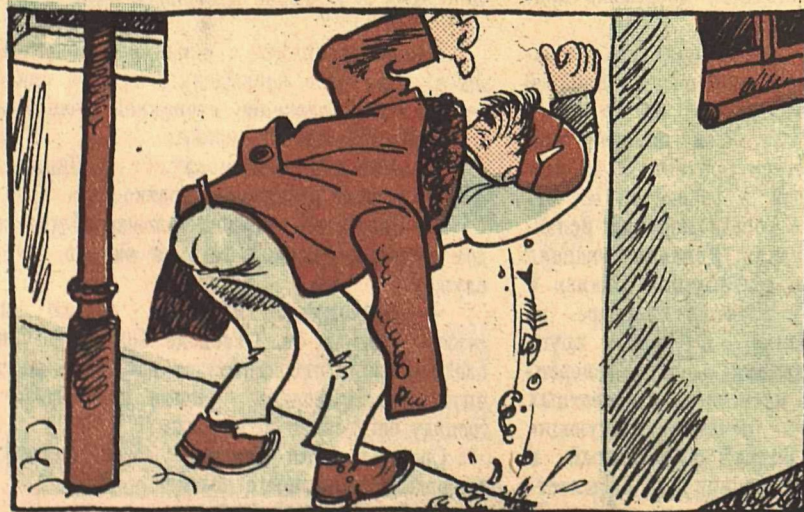
Пугали выстрелами...

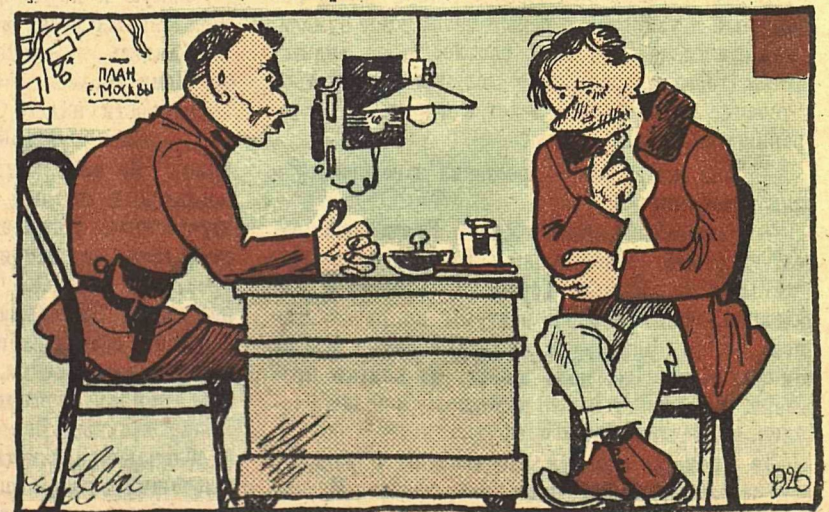
Заткнули мне чем-то рот...

И обобрали до нитки...

Утром я насилу вырвался...

И вот я перед вами, товарищ начальник.